

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.Е. ТИХОНОВА

Особенности “российских модернистов” и перспективы культурной динамики в России

Статья 1*

Учитывая специфику модернизационных процессов в России, обусловленную как внутренними проблемами, так и ее местом в глобальной экономике, автор ставит вопрос об особенностях нормативно-ценностной системы российских модернизаторов. Приводятся результаты анализа 12 ценностных блоков, формирующих основу всего многообразия нормативно-ценностных систем россиян.

Ключевые слова: модернизация, российские модернизаторы, нормы, ценности, социокультурная динамика.

Considering specificity of modernization processes in Russia, caused both by internal problems and Russia's place in global economy, the author brings an attention to the question of features of standard-values system of Russian reformers. Results of the analysis of 12 values-blocks forming a basis of the variety of the standard-valuable systems of Russians are given

Keywords: modernization, Russian reformers, norms, values, sociocultural dynamics.

В своей предыдущей статье, опубликованной в журнале “Общественные науки и современность” [Тихонова, 2011], я попыталась показать, что Россия достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации¹. И хотя в российском обществе пока еще сохраняется закрепление в системе норм национальной культуры определенной модели развития социума, который можно охарактеризовать как позднеэтакратический, в нем наблюдается *все большая гетерогенность* по вопросам, связанным с представлениями россиян о нормах и ценностях².

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту “Социально-гуманитарный потенциал модернизации России” № 11-32-03001, выполняемому при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ Под модернизацией я подразумеваю комплекс социальных, политических, экономических, культурных, демографических и т.д. трансформаций, которые отражают тот скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого аграрные, традиционные общества становятся современными, “модернизированными”. Эти трансформации проходили в различных странах мира в неодинаковой последовательности и с разной скоростью, но всегда были внутренне связанными и взаимообусловленными. При этом под социокультурной модернизацией я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем, являющихся ядром формирования новых типов культуры.

² Ценности, в отличие от норм, отражающих некое должествование или же “естественность”, “нормальность” определенного положения, поведения и т.д., всегда эмоционально и аксиологически (хочу/не хочу, важно/не важно) окрашены.

В условиях нарастания гетерогенности представлений россиян о должном и важном неизбежно встают вопросы о специфике носителей различных нормативно-ценностных систем, существующих сегодня в российском обществе, причинах такого положения и векторе дальнейших сдвигов в этой важнейшей составляющей национальной культуры. Без этого невозможно ответить и на главный вопрос: а на какие, собственно, изменения можно рассчитывать при такой социальной базе идущих трансформаций и, следовательно, как будет выглядеть наша страна после (в случае) их успешного завершения.

Ответы на все эти вопросы во многом зависят от того, из каких общетеоретических предпосылок будет исходить анализ культурной динамики российского общества. Можно рассматривать усиливающуюся неоднородность норм и ценностей населения как характерную особенность любых периодов масштабных общественных трансформаций, когда в общественном сознании парадоксальным образом сосуществуют нормы, характерные для разных типов обществ (“уходящего” и “возникающего”, а также различные временные нормы и ценности, характерные именно для периода транзита). Можно исходить из того, что сосуществование альтернативных нормативно-ценностных систем естественно для любого современного общества и, следовательно, изучая эти системы, необходимо просто проводить межстрановые сравнения. Можно считать ключевой для понимания процессов, происходящих в развивающихся странах, к каковым относится и Россия, концепцию модернизации. В соответствии с ней в любом обществе, осуществляющем переход от домодерна к модерну, всегда есть группы “традиционалистски” и “модернистски” ориентированного населения, а остальные являют собой некую промежуточную группу (или группы), которая постепенно сокращается за счет перехода все большего числа людей в группу “модернистов”. Каждая из этих точек зрения имеет право на существование, более того – в рамках каждой из них в современной России ведутся (и очень успешно) дополняющие друг друга исследования культурной динамики нашего общества.

Так, Н. Лапин и Л. Беляева, уже около 20 лет осуществляющие мониторинг ценностей россиян на базе проходящих раз в несколько лет общероссийских опросов, исходят, фактически, из **первого подхода** и рассматривают меняющуюся и усложняющуюся картину ценностей российского населения не через сравнение ее с ситуацией в других странах, прежде всего в странах западной культуры, и не через анализ сочетания в ней элементов модерна и домодерна, а через призму сочетания в национальной ценностной системе различных типов ценностей – терминальных и инструментальных, в свою очередь дифференцируемых ими на традиционные, общечеловеческие и либеральные. При этом в фокусе их внимания не столько носители тех или иных ценностей или их систем, сколько сами эти системы (кластеры ценностей, выделенные в соответствии с их функциями), а также их эволюция. Данной исследовательской группой получены очень интересные результаты, в частности сделан *вывод о растущей значимости утилитарных, прагматических мотивов в эволюции ценностных систем населения нашей страны*. Важное значение имеет и то, что только эта исследовательская группа работает с проблематикой региональной специфики ценностей российского населения на общероссийском фоне, поскольку только в ее распоряжении есть массивы данных, репрезентативные для нескольких десятков российских регионов (см. [Динамика... 1996; Лапин, 2000; 2010; Регионы... 2009] и др.).

В рамках **второго подхода** работают группы Н. Лебедевой и А. Татарко, В. Магуна и М. Руднева, Ю. и Н. Латовых и др. Все эти группы сфокусированы на кросс-культурных исследованиях, и хотя модернизационный подход подспудно присутствует в их работах, в центре их внимания все же не сам процесс перехода от ценностей и норм домодерна к нормативно-ценностным системам обществ современного типа, а специфика нормативно-ценностных систем россиян в сравнении с нормативно-ценностными системами населения других стран.

Первая из этих групп (Лебедева и Татарко) работает с массивами данных различных опросов, в которых используется разработанный Ш. Шварцем инструментарий

измерения ценностей. В последнее время они начали работать и с материалами “Всемирного исследования ценностей” (WVS), используя методику Р. Инглхарта. Среди полученных ими результатов прежде всего хотелось бы выделить вывод о том, что за последнее десятилетие в России выросла распространенность ценностей самоуверждения (то есть ценностей личного успеха, высокого социального статуса, доминирования и т.п.), отражающая интересы индивида, и снизилась распространенность ценностей, выражающих интересы группы. Эта тенденция, как и тенденция роста открытости к изменениям в противовес ориентации на сохранение привычного говорит в пользу постепенного движения ценностей населения нашей страны в сторону модерна. При этом сочетание этих данных с результатами анализа ценностей по методике Инглхарта позволяет им утверждать, что за ростом индивидуалистических ценностей, по сути, стоят ценности выживания, а не самореализации (см. [Лебедева, Татарко, 2007; 2009; Лебедева, Козлова, Татарко, 2007] и др.).

Еще одна группа, работающая в кросс-культурном поле (Магун и Руднев), также использует методику Шварца и тоже не ограничивается ею, добавляя к ней собственные методики. Наиболее интересным для анализа культурной динамики в России представляется, впрочем, не столько даже проведенное в рамках этой работы сравнение “среднего россиянина” и “среднего жителя” других европейских стран, свидетельствующее о высокой значимости в России на фоне других стран ценностей безопасности, богатства и, в несколько меньшей степени, достижений, и о низкой значимости тех ценностей, которые Магун и Руднев вслед за Шварцем называют “Выходом за пределы собственного Я” (то есть ценностей толерантности, желания сохранить благополучие других людей и природу и т.п.), хотя оно само по себе очень важно. Ключевое в их результатах, на мой взгляд, – анализ внутренней неоднородности ценностных систем россиян и вывод о том, что в России достаточно высокая по отношению к другим странам доля носителей нетипичных для страны в целом ценностей (см. [Магун, Руднев, 2010^a; 2010^b] и др.).

Наконец, третья группа (Латовы), занимающаяся межстрановыми сравнениями культурной динамики, работает с массивами данных, полученных с использованием методики Г. Хофстеда. Изначально эта методика разрабатывалась не для оценки межличностных отношений, как, например, методика Шварца, а для анализа особенностей нормативно-ценностных систем в той их части, которая связана с системой производственных отношений. Впоследствии же она стала использоваться и для анализа культурных особенностей страны в целом. Как показывают исследования Латовых, по своим культурным особенностям Россия не может быть однозначно отнесена ни к классическим странам Запада, ни к типичным странам Востока. Она занимает в культурном пространстве мира особую нишу, и ее соседями при сравнении различных “блоков” нормативно-ценностных систем оказываются разные страны, к тому же достаточно сильно различающиеся между собой. При этом, как отмечают Латовы, для России типичны достаточно высокие показатели индивидуализма (в противовес ориентации на групповые интересы) и толерантного отношения к асимметричному распределению иерархически организованной власти, которые, в совокупности, и определяют, согласно этой методике, поляризацию стран мира на Восток и Запад. Одновременно у России пока еще наблюдается сравнительно невысокий показатель ценностей достижения в ущерб ценностям сотрудничества, хотя тенденция движения России в сторону типа культур, для которых характерна ориентация на достижение результата любой ценой, прослеживается достаточно отчетливо (см. [Латова, Латов, 2001; 2003; Латова, Тихонова, 2010] и др.).

Я привела ключевые результаты исследований разных исследовательских групп, работающих в рамках двух первых теоретических подходов к анализу культурной динамики, чтобы показать, что, несмотря на разницу используемых в них методик и терминологии, все они свидетельствуют о схожих тенденциях в культурной динамике российского общества, задавая некое “поле известного”. Все они фиксируют рост в России в последнее время ценностей достижения (понимаемого как самоувержде-

ние, а не самореализация) и индивидуализма в ущерб ориентации на интересы группы и на сотрудничество – рост, свидетельствующий о постепенном дрейфе нормативно-ценностных систем населения нашей страны от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам. Говорят они и о том, что при сохранении некоего единого ядра ценностей, характеризующих российскую культуру в целом, существует довольно значительная и постепенно усиливающаяся гетерогенность российского населения по этому критерию, определяемая рядом факторов (региональными особенностями, социальным положением, возрастом и т.д.). За набором этих факторов скрывается, фактически, то обстоятельство, что разные группы российского населения в различной степени затронуты последствиями социальной модернизации³ – важнейшей объективной предпосылки социокультурной динамики.

Об этом же свидетельствуют и результаты работы группы исследователей под руководством М. Горшкова и мной, которая уже свыше 10 лет активно занимается изучением гетерогенности нормативно-ценностных систем россиян. Для этой группы характерен последовательно реализуемый **третий теоретический подход**, то есть она исходит из того, что в любом обществе, осуществляющем переход от домодерна к модерну⁴ (в том числе, и в современном российском обществе), сосуществуют традиционалистски и модернистски ориентированные группы населения, а остальные относятся к представителям “промежуточных” врсий нормативно-ценностных систем. Эмпирической базой работы этой группы выступают общероссийские опросы, а методически ее работа основывается на нескольких разработанных ею версиях “индекса степени модернизованности сознания”, которые учитывают специфику ценностей и норм, традиционно описываемых в литературе как характерные для “Modern Man”. Особый акцент в работе этой исследовательской группы делается при этом на анализе не межличностных или производственных отношений, а норм, отражающих в сознании населения механизм регуляции взаимоотношений личности, общества и государства, которые и составляют ключевое отличие россиян от населения других стран (см. [Тихонова, 2011]).

По оценкам этой группы исследователей, *доля “модернистов”, которых в той или иной степени можно рассматривать как аналог западной версии “Modern Man”, составляет сейчас в российском обществе чуть менее четверти населения, доля последовательных “традиционалистов” – порядка 15%, а остальные относятся к “промежуточным” группам.* Среди экономически активного городского населения модернистский тип сознания в полном соответствии с классическими канонами модернизации распространен, впрочем, относительно шире. Кроме того, важно, что *за последнее десятилетие фиксируется рост, хотя и медленный, доли модернистов* (см. [Изменяющаяся... 2004; Российская...2005; Российская... 2008; Готово ли... 2010] и др.).

³ Социальная модернизация трактуется обычно либо в широком, либо в узком смысле слова. В широком смысле слова под ней подразумеваются все изменения, происходящие при переходе к обществам модерна в системе социальных отношений и в социальной структуре общества, включая изменения в социально-демографической (появление новых внутрисемейных ролей и отношений и т.д.), социокультурной (формирование новых систем ценностей и т.д.), культурной (умножение субкультур в ходе плюрализации общественной жизни и т.д.) сферах. Под социальной модернизацией в узком смысле слова обычно подразумевается комплекс процессов, в числе которых: 1) развертывание процессов урбанизации, предоставляющей индивиду гораздо больше свободы в выборе моделей и форм поведения как в производственной, так и в досуговой сфере; 2) изменение механизмов социального воспроизводства и контроля, замена “неписаного права” (традиции) как ведущего регулятора социальных отношений системой “писаного права”; 3) формирование классовой модели социальной структуры и утверждение формального равенства всех перед законом; 4) всевозрастающая дифференциация общества, плюрализация интересов различных социальных групп, умножение идентичностей и выполняемых индивидами социальных ролей с одновременной сменой социальных интеграторов; 5) изменение характера межличностных отношений с усилением роли в них функционально-ролевой составляющей, а также ряд других процессов, отражающих переход к новому социетальному состоянию общества.

⁴ Напомню в этой связи, что еще 80 лет назад Россия была крестьянской страной и лишь полвека назад в ней сравнялось количество детей, рожденных в селах и городах, – срок для социокультурной модернизации, предполагающей распространение норм и ценностей городской культуры, связанных с переходом от доиндустриальных к индустриальным обществам, по историческим меркам ничтожный.

Итак, каждый из трех описанных выше теоретических подходов к анализу культурной динамики в России не только активно используется российскими социологами, но и доказал свою плодотворность, принеся ряд значимых научных результатов (которые, конечно, гораздо шире и разнообразнее, чем упомянутые в этой статье). При этом один из отмеченных подходов демонстрирует, как происходит трансформация российских ценностей с точки зрения их внутренней структуры и как обеспечивается ценностная интеграция при региональном разнообразии в российском обществе; второй – как выглядит Россия с точки зрения специфики ценностей ее населения на общемировом фоне, а третий позволяет понять, как происходит процесс модернизации нормативно-ценностных систем россиян с учетом специфической для российской культуры модели взаимодействия личности, общества и государства.

Однако полученные результаты позволяют поставить и другой вопрос, связанный с динамикой и содержанием социокультурных изменений в России в последние десятилетия: а так ли вообще идут сегодня процессы социокультурной модернизации, как они шли в условиях, характерных для западноевропейской модели развития? Теоретически возможно ведь, что разложение традиционно существовавших в России норм и ценностей вообще никогда не приведет в ней к массовому принятию характерных для западной культуры этапа модерна нормативно-ценностных систем, сформировав какие-то их альтернативные версии. Можно поставить эту проблему и более широко: *поскольку формирование “Modern Man” в странах, завершающих или осуществляющих социокультурную модернизацию в XXI в., протекает в совсем иных исторических условиях, чем это происходило в странах Западной Европы, то и сам этот “Modern Man” может выглядеть в них отнюдь не так, как это обычно представляется из опыта стран “Старой Европы” и Северной Америки.* Возможно, именно с этим связаны проблемы в поисках субъектов модернизации в таких странах – субъекты тут могут быть не всегда узнаваемы в рамках привычных подходов и в силу своей специфики могут оказаться акторами иных моделей модернизации.

Причины тут коренятся не только в ином историческом опыте и культурных традициях, но и в ряде дополнительных обстоятельств, связанных с внешними условиями развития этих стран. Ведь с начала XX в., когда западные страны закончили свой переход к модерну, качественно изменились и мир в целом, и сами страны Запада. От индустриального этапа развития они перешли сначала к позднеиндустриальному, а затем и к постиндустриальному этапу. Активно начали развиваться процессы глобализации. Все это вызвало серьезные изменения в системе ценностей их населения. В то же время все это имело и очень серьезные последствия для других стран и ареалов мира, поскольку кардинально поменяло условия их дальнейшей эволюции. Процессы модернизации в них, обусловленные, как и когда-то в странах Западной Европы, индустриализацией и урбанизацией в ходе экономического развития, стали накладываться на процессы, “запущенные” переходом к постиндустриальному развитию глобальной экономики, а появление Интернета придало им новый социальный смысл и импульс.

Открытость этого нового формирующегося на наших глазах мира и интенсификация различных форм горизонтальных связей в нем на всех уровнях фактически поставили крест на анклавных моделях развития, которые до недавнего времени реализовывала и Россия. А это означает активное заимствование норм и ценностей, зачастую даже – не из иных культур, а из “виртуального пространства”. И в первую очередь заимствуются, естественно, нормы и ценности, связанные с культурой потребления, поскольку именно в сфере тиражирования определенных стандартов потребления глобализация максимально активно воздействует на рядовых членов любого общества, в том числе – и российского.

Кроме того, в современных условиях сложились иные, нежели это было характерно для XIX и XX вв., траектории экономического развития стран, осуществляющих социокультурную модернизацию. Если в так называемых развитых странах на смену индустриализации пришло активное развитие сначала третичного (связанного с производством и воспроизводством человека как важнейшего компонента современ-

ных производительных сил), а затем и четвертичного (связанного с производством и циркулированием информации) секторов экономики, то для развивающихся стран процессы социокультурной модернизации оказались значительно осложнены тем, что третичный и четвертичный сектора в современной глобальной экономике сконцентрированы в большей степени в развитых странах, и никто не собирается добровольно делиться этим “куском пирога” с другими. В ходе становления глобальной экономики происходит в основном перевод в менее развитые страны части индустриальных производств. Это означает резкое сокращение, по сравнению с западными странами на том же этапе технологического развития, возможностей роста в них среднего класса – опоры и основы ассоциируемого с обществами модерна типа социального устройства и нормативно-ценностных систем.

Таким образом, в рамках нового, глобализирующегося мира страны Запада могут предложить странам догоняющего развития отнюдь не ту модель экономики, которая генерировала рабочие места, позволяющие культивировать сначала ценности рациональности, ответственности за свою судьбу, активности, гражданского участия, демократии и т.д., а затем и самореализации, творчества и т.п. с соответствующим типом социума. В “тиражирование” для этих стран запускаются фактически лишь ценности потребления и самоутверждения (“демонстрации своего статуса”). При этом в России распространение идеалов общества потребления отнюдь не подкрепляется успешным выполнением нашей страной даже роли элемента “мировой фабрики”. Наоборот, экономические реформы 1990-х гг. и последовавшая за ними структурная перестройка российской экономики повлекли за собой ее фактическую деиндустриализацию с одновременным сокращением числа занятых как в индустриальном секторе в целом, так и на крупных и средних предприятиях в частности (см. [Гимпельсон, Капелюшников, 2005; Аникин, 2009] и др.).

Это, на первый взгляд, напоминает ситуацию с переходом к позднеиндустриальному этапу развития. Однако динамика структуры занятости населения в России такова, что не позволяет говорить о начале перехода к позднеиндустриальному типу общества с характерным для него ростом занятости на рабочих местах квалифицированного труда. Напротив, речь идет скорее о сокращении всех типов рабочих мест (как физического, так и нефизического труда), предполагающих высокую для соответствующего типа труда квалификацию, и о росте рабочих мест низкоквалифицированного труда. Так, по расчетам В. Аникина, выполненным на массивах данных РМЭЗ (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения), доля квалифицированных “белых воротничков” сократилась за период с 1994 по 2009 г. с 19,3 до 17,1% от занятых, квалифицированных рабочих – с 37,7 до 28,0%. Одновременно выросла с 28,5 до 38,0% доля рабочих мест нефизического труда средней и низкой квалификации (3, 4 и 5 классы по ИСКО-88) и с 14,5 до 16,5% – неквалифицированных рабочих. Более того, даже в средних и крупных городах, судя по данным общероссийского исследования ИС РАН “Готово ли российское общество к модернизации?” (2010 г.), занятость в силовых структурах (армия, правоохранительные органы, другие охранные и силовые структуры) распространена шире, чем в таких современных отраслях, как финансы, страхование, маркетинг, информационные технологии и т.п. Что же касается развития постиндустриальной модели занятости хотя бы в отдельных населенных пунктах, то это скорее задача будущего, нежели реальность сегодняшнего дня.

Все это говорит о “зависании” в России процессов развития экономики, прямо влияющих и на “зависание” процессов модернизации общества в целом и социокультурной модернизации в частности. Одним из наиболее ярких проявлений такого “зависания” выступает и ситуация с урбанизацией российского общества, без которой невозможно утверждение норм городской культуры. Доли городского и сельского населения сравнивались в России еще в середине 1950-х гг. Далее вплоть до 1991 г. наблюдался поступательный рост численности городского населения страны. Однако затем доля горожан несколько сократилась и все 2000-е гг. находится примерно на одном уровне (71–73%). При этом почти четверть горожан и сегодня занимаются подсобным

хозяйством для получения дополнительного натурального или денежного дохода, а не только для развлечения, и почти каждый пятый горожанин – выходец из сельской местности, что сказывается и на характерных для них нормах, ценностях и поведенческих паттернах (подробнее см. [Тихонова, 2012]).

Все это не только неизбежно предопределяет замедление процессов модернизации российского общества в целом и социокультурной модернизации в частности, но и непосредственно влияет на специфику этих процессов в нашей стране. Вот почему постулат о применимости для России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие общества с движением от домодерна к “классическому” (то есть, по сути, западному) модерну, сам по себе не очевиден. Модерн – да, безусловно. Но, скорее всего, какой-то иной, нежели в истории западных стран. А это значит, что разработанные в рамках западной научной традиции методики выделения групп, характеризующихся спецификой своих ценностных ориентаций, скорее всего охватывают лишь часть реальной динамики нормативно-ценностных систем в российском обществе, и картина получаемой с их помощью системы ценностей населения страны в лучшем случае неполна, а в худшем – неточна.

Вот почему в качестве фундамента для рассмотрения особенностей “российских модернистов” я посчитала необходимым прежде всего выделить и проанализировать основные элементы существующей в России системы норм и ценностей, и лишь затем начать анализ взглядов и ценностей конкретных людей. Ведь в рамках иной, нежели характерной для западной цивилизации, системы социальных отношений и другой культурной традиции те же самые по формулировке в ответах респондентов взгляды могут скрывать отличающиеся смыслы, быть индикатором совсем иных ценностей.

Этот анализ⁵ позволил выделить 12 “блоков”, которые, комбинируясь в разных вариациях, и формируют сегодня основу всего многообразия нормативно-ценностных систем россиян в интересующем нас аспекте. Часть выделенных “блоков” нормативно-ценностных систем интерпретировалась достаточно легко (с учетом содержательного их наполнения они были названы мной “Модернистские установки”, «Толерантность к “не-Мы”», “Уверенность в возможности себя обеспечить”, “Постмодернистские установки”, “Индивидуалистические установки”, “Либеральные установки”, “Нормы этакратических обществ”, “Гражданская пассивность по убеждению”, “Постсоциалистические установки”, “Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции”). Однако два “блока”, получившие в итоге не очень удачные и слишком длинные названия «Обоснование сложившейся системы взаимоотношений “личность–общество–государство”» и «Представления о правовых основах сложившейся системы взаимоотношений “личность–общество–государство”», требуют более детальной характеристики.

⁵Методически он осуществлялся следующим образом. Сначала из массива данных исследования “Готово ли российское общество к модернизации?” (2010 г.) были выделены 65 переменных, характеризующих различные аспекты представлений россиян о должном, желаемом или эмоционально для них значимом во взаимоотношениях личности, общества и государства. Вопросы, связанные с нормативно-ценностными аспектами взаимодействий в семейных, соседских, родственных, дружеских, производственных отношениях, при этом не рассматривались. Затем (с целью определения реальной дифференцирующей роли этих переменных) они были “запущены на кластеризацию”, что позволило исключить из дальнейшего анализа ряд из них. Анализ дендрограммы, полученной при иерархическом кластерном анализе, показал, что на основе визуализации результатов оптимально выделение четырех–семи кластеров. Содержательный анализ с использованием таблиц сопряженности показал, что наиболее значимые для реальной дифференциации на кластеры переменные заканчиваются на тех из них, которые обуславливают дифференциацию на семь кластеров. Исходя из этого, для последующего анализа были отобраны 40 переменных, оказавшихся значимыми для кластеризации на семь кластеров. Затем к 40 выделенным переменным был применен факторный анализ (метод Варимакс), позволивший выделить основные “блоки”, из которых состоят нормативно-ценностные системы россиян. Результаты этого анализа объясняли 50,76% дисперсии и выделили 12 факторов (“блоков” нормативно-ценностных систем россиян) (их содержательное наполнение см. в таблице).

⁶Термин “установки” (“Attitudes”), а не нормы или ценности, использован в данном случае для краткости как более общий по отношению к ним и означает “относительно стабильную систему убеждений, касающихся некоторого объекта и приводящих к его оценке” [Социологической... 2004, с. 495].

Факторная структура ответов на те из 40 позиций анкеты, которые вошли в 12 выделенных факторов и имели факторные веса выше 0,200*

Переменные	Факторы ("блоки")											
	«Преставления о правах взаимотношений "личность – общество–государство"»	«Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции»	«Модернистские установки»	«Толерантность к "не-Мы"»	«Уверенность в возможности себя обеспечить»	«Обновление сложившейся системы взаимоотношений "личность–государство"»	«Постмодернистские установки»	«Индивидуалистические установки»	«Либеральные установки»	«Нормы этаркратических обществ»	«Гражданская пассивность по убеждению»	«Постсоциалистические установки»
Представление об оптимальном соотношении государства и рынка в российской экономике**			-0,283		-0,382							0,222
Представление о роли государства в социальной сфере***			0,256					0,699				
В каком обществе – индивидуальной свободы или социального равенства – предпочел бы жить респондент			-0,470		-0,222			0,283				-0,266
Что важнее – уважение к традициям и следование привычному или инициатива, поиск нового			-0,540		-0,224			0,501				
Отношение к конкуренции		-0,250	0,643					-0,329				
Установка на то, чтобы жить как все или выделяться среди других												
Что важнее – свобода или материальное благополучие												
Как можно чего-то добиться – действуя сообща или рассчитывая на собственные силы												-0,209

Переменные	Факторы ("блоки")											
	«Представления о правовых взаимоотношениях системы «личность – общество–государство»	«Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции»	«Модернистские установки»	«Толерантность к "не-Мы"»	«Уверенность в возможности себя обеспечить»	«Обновление сложившейся системы взаимоотношений «личность–общество–государство»	«Постмодернистские установки»	«Индивидуалистические установки»	«Либеральные установки»	«Нормы этакратических обществ»	«Тражданская пассивность по убеждению»	«Постсоциалистические установки»
Переменные	Представление о том, "сверху" или "снизу" надо проводить перемены в нашем обществе	-0,229	0,215			-0,338		-0,450	0,254		0,754	
	Успех – результат упорного труда или везения и связей					0,681		0,727				
	Выбор в альтернативе "интересная работа" – "высокая зарплата"		0,243			0,261		0,307		0,285	0,280	
	Материальное положение зависит от респондента или ситуации в стране											
	Что важнее – равенство возможностей или равенство доходов					0,679						
	Уверенность в том, что они смогут обеспечить свою семью сами или что без помощи государства они не выживут			0,502								
	Нужно бороться за свои права или, не теряя силы, приспосабливаться к реальности			0,636		0,223						
	Нравится жить в меняющемся мире или считают, что все перемены – к худшему											
	Отношение к приезжим				0,655							
	Отношение к Европейскому союзу****				0,627							
	Отношение к Западу	0,204			0,663							
	Отношение к Азии				0,594							
Отношение к модернизации	0,731			0,235								
Отношение к различиям	0,613											
Отношение к риску	0,336		0,285								-0,382	

Отношение к глобализации	<u>0.575</u>						
Отношение к индивидуализму	<u>0.564</u>						
Отношение к демократии	<u>0.498</u>	0,249			0,251		
Отношение к суждению “Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство”		0,235	<u>0.567</u>			0,286	
Отношение к возможности согласовать интересы всех групп общества ^{*****}			<u>0.636</u>				
Представление о роли оппозиции в обществе ^{*****}			<u>0.689</u>				
Отношение к суждению “Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям”	<u>0.411</u>	0,278	<u>0.269</u>				0,281
Согласие с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	<u>0.492</u>						
Согласие с тем, что законы надо соблюдать, только если это делают и представители органов власти	<u>0.580</u>						
Согласие с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	<u>0.542</u>						
Отношение к суждению “Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции”	0,239		<u>0.496</u>			0,275	-0,247
Согласие с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	<u>0.553</u>						
Согласие с тем, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо	<u>0.638</u>						

Переменные	Факторы ("блоки")											
	«Представления о правовых взаимоотношениях семей – личность "личность" общества–государство»	«Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции»	«Модернистские установки»	«Толерантность к "не-Мы"»	«Уверенность в возможности себя обеспечить»	«Обоснование сложившейся системы взаимоотношений "личность–государство"»	«Постмодернистские установки»	«Индивидуалистические установки»	«Либеральные установки»	«Нормы этаркратических обществ»	«Тражданская пассивность по убеждению»	«Постсоциалистические установки»
	<u>0.599</u>											
Согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения												
Согласие с тем, что если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить												
Представление о том, кому должны принадлежать природные богатства страны *****												
Представление о том, что для России важнее – хорошие руководители или хорошие законы	<u>0.478</u>								0,436			
												<u>0.818</u>

* Жирным подчеркиванием выделен наибольший показатель по строке, фоном выделены значения пяти наиболее значимых переменных (при условии значения показателя ее факторного веса не ниже 0,300) для каждого из факторов по столбцу..

** Шкала строилась на нарастании роли рынка от плановой социалистической экономики до свободной конкурентной рыночной экономики.

*** Шкала строилась на сокращении индивидуальной ответственности граждан за свое благосостояние и росте государственной ответственности за него.

**** Респондент отметил, какие ассоциации – положительные или отрицательные – вызывает у него соответствующее понятие.

***** Согласие или несогласие с тем, что невозможно преодолеть кризис в обществе так, чтобы это устроило всех или почти всех – ведь интересы и взгляды у людей очень разные.

***** Согласие или несогласие с тем, что задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать помощь в его работе.

Так, внутренняя логика “блока” «Обоснование сложившейся системы взаимоотношений “личность–общество–государство”» выглядит следующим образом: интересы и взгляды у людей очень разные, а значит, заведомо невозможно сделать так, чтобы все были довольны. В этих условиях государство должно принять на себя миссию согласования интересов и действий в интересах большинства, политическая оппозиция должна помогать государству в решении этой сложной задачи, а не критиковать его. Учитывая отличие сложившейся в России системы отношений от западных моделей взаимоотношений государства и его граждан, характерные для этих моделей индивидуализм, либерализм и западная демократия для России не годятся. Для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Возможно, на отрицании приемлемости западного пути развития в рамках этого “блока” сказалось вошедшее в него убеждение, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, приходящее в противоречие с видением роли оппозиции в России.

”Блок”, названный мной «Правовые основы сложившейся системы взаимоотношений в системе “личность–общество–государство”», отражал представления россиян о Законе и границах его действия и включал согласие респондентов с такими суждениями, как: “не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо”; “каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживаются иного мнения”; “законы, конечно, надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти”; “правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства”; “каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций”; “государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности”; “если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить” и т.п.

Конечно, эти нормы – отнюдь не нормы, характерные для отношения к Закону в обществах “классического” модерна, для которого не характерно ни пренебрежение законом во имя справедливости, ни допущение давления на правосудие или прессу со стороны правительства, ни убеждение в том, что государство призвано отстаивать интересы народа, а не права человека. Однако они соседствуют в рамках этого “блока” взглядов с нормами о необходимости равенства перед законом представителей власти и рядовых граждан, признанием за каждым человеком права отстаивать свое мнение в противовес мнению большинства и права отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций, то есть нормами, которые в типичную модель нормативной системы позднеэтакратических обществ не вписываются. Представляя наиболее типичные для современного российского общества нормы, этот набор говорит о разной степени прочности, укорененности в сознании россиян тех или иных норм, характерных для позднеэтакратических обществ. Переходность этого “блока” взглядов россиян, уже ушедших от признания сакральности власти государства, имеющего права требовать беспорной жертвенности со стороны своих граждан (подданных), и постепенно приходящих к консенсусной модели взаимоотношений с ним, отражается в сохранении за государством при условии и в рамках соблюдения этого консенсуса (своего рода негласного “общественного договора”) права действовать вне правового поля лишь во имя “общих интересов”.

В целом, по результатам анализа взаимосвязи выделенных “блоков” нормативно-ценностных систем россиян просматривается следующая картина. “Постсоциалистические установки” (убеждение в том, что государство должно “в идеале” обеспечивать полное равенство, ориентация на экономику, основанную на государственной собственности т.п.) тесно связаны с “Гражданской пассивностью” (делегированием прав и обязанностей по изменению ситуации государству, убеждением, что именно государство должно думать об интересах народа, нежеланием рисковать и т.п.). “Индивиду-

дуалистические установки⁷ оказываются связаны не столько с формированием собственно модернистских устремлений, сколько с изменением понимания демократии, отношения к закону и т.д. Собственно же модернистские установки (нонконформизм, ориентация на перемены, инициативность, готовность к активной реализации своих интересов, толерантность к конкуренции) связаны прежде всего с “блоком” норм и ценностей, который я условно назвала «Правовые основы сложившейся системы взаимоотношений “личность–общество–государство”». Видимо, характерные для этого “блока” убеждение в необходимости равенства перед законом представителей власти и рядовых граждан, признание за каждым человеком права отстаивать свое мнение в противовес большинству и права отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций формируются только под влиянием определенных поведенческих установок, связанных с ростом активизма и социального динамизма. Нуждаясь в адекватных условиях для своего развития, они выступают своего рода “спусковым крючком” для роста запроса, по крайней мере, на инструментальные ценности демократии.

Однако для этого же “блока” норм и ценностей характерны и такие далекие от “западного модерна” с его демократическими ценностями и уважением к закону нормы, как пренебрежение к закону во имя справедливости или допущение давления на правосудие и прессу со стороны правительства, если это нужно для национальных интересов, – допущении, основанном на еще сохраняющемся убеждении в том, что государство призвано отстаивать интересы народа, а не права человека. “Постмодернистские установки” (вторичность материальных факторов по сравнению с ценностями свободы и самореализации, ориентация на равенство возможностей, убеждение, что упорный труд, а не везение и связи, ведет к успеху в жизни и т.д.) связаны в России с отрицанием норм, вошедших в блок “Либеральные установки”, “стержнем”, среди которых выступает убеждение в необходимости минимизации социальной роли государства. Это достаточно логично, поскольку одни характеризуют *постмодерн* с его ориентацией на самореализацию, гармонию интересов разных групп и т.д., а другие являют собой *наиболее жесткую версию идеологии модерна*, основанную на признании “права сильного” и “вины слабого”. Из этого понятнее становится, почему либеральная логика реформаторов в последние десятилетия приходит во все большее противоречие с базовыми нормами и ценностями именно наиболее “продвинутой” и в наибольшей степени заинтересованной в движении России в сторону Запада группы россиян, которая, казалось бы, должна была стать основой их электората.

Таким образом, анализ ключевых компонентов норм, ценностей и установок, составляющих своего рода “каркас” нормативно-ценностных систем россиян в целом, позволил не только понять внутреннюю логику и взаимосвязь многих из них, но и интерпретировать смыслы, которые стоят за соответствующими взглядами в российской культуре. Они достаточно сильно отличаются от приверженности, на первый взгляд формально, тем же самым нормам и ценностям в культуре западноевропейских стран. Из проведенного анализа взаимосвязи различных “блоков” нормативно-ценностных систем россиян вытекают также некоторые предварительные выводы относительно того, насколько способны “русские модернисты” осуществить возлагаемые на них надежды и каков может быть дальнейший вектор культурной динамики России. В их числе в первую очередь следует назвать следующие.

1. Распространение индивидуалистических и модернистских установок слабо связано в современных условиях с ростом приверженности базовым ценностям демократии. Это значит, что само по себе распространение этих установок, даже в условиях постепенного дрейфа нормативно-ценностных систем россиян в сторону все большей значимости в них личных потребностей и интересов (отражающего уже упоминавшийся дрейф российской культуры от культур коллективистского типа к индивиду-

⁷ В нашем наборе норм и ценностей их наличие отражала установка на индивидуальные, а не совместные действия для защиты своих интересов; ориентация на жизнь в обществе индивидуальной свободы, а не социального равенства; позитивное отношение к понятию “индивидуализм”, и т.д.

листически ориентированным культурам), не повлечет за собой развития потребности в демократизации общественной жизни даже у наиболее “продвинутой” части населения. Исключением являются лишь те нормы и ценности демократии, которые связаны с правом граждан “заявить” о своих позиции и интересах, чтобы “власть предрержащие” могли их услышать и учесть.

При этом россияне, характеризующиеся наибольшей индивидуальной активностью и готовностью к действиям по защите своих интересов, будут стремиться реализовать эти интересы в рамках индивидуальных, а не коллективных действий. Тем более нельзя ожидать от них коллективных действий в рамках сколько-нибудь устойчивых объединений, а не во многом спонтанных и эпизодических по своему характеру “движений одного требования”. Из этого следует, что в России вряд ли возможны любые варианты “оранжевых революций” под лозунгами необходимости демократических преобразований. И это связано не только со все еще существующими внешними, институциональными ограничениями активности населения, но и обуславливаются спецификой норм и ценностей самих россиян.

2. Либеральные установки, связанные с минимизацией вмешательства государства в общественную жизнь, для россиян означают прежде всего свертывание социальной ответственности государства. Поэтому у тех немногих рядовых россиян, кто их имеют, они – отнюдь не следствие приверженности классической либеральной идеологии: это просто результат банального “нежелания делиться” со стороны тех, кто ощущают себя сильным и способным самостоятельно решать свои проблемы в условиях очень слабой роли ценностей солидарности среди всех россиян. Видимо, этим же объясняется и доминирование данных установок среди российской политической элиты, которая вряд ли успела сколько-нибудь существенно оторваться в этом отношении в условиях отсутствия межпоколенного самовоспроизводства элит от “народных масс”. Эта “разновекторность” в понимании роли государства ведет ко все большему ценностно-идеологическому противостоянию населения и так называемого “правлящего класса”, что особенно опасно при формировании в общественном сознании консенсусной модели “общественного договора”.

3. Ни о каком “ренессансе коммунистической идеологии” даже при разочаровании россиян в реформаторах и реформах речь в настоящее время не идет. Нормативно-ценностная система современных россиян несовместима ни с тем вариантом этой идеологии, который характеризовал советский период истории страны, ни, тем более, с аутентичным марксизмом. “Антимодернизм” части россиян связан скорее с сохранением значимости для них норм, присущих этакратической модели развития общества с характерной для них легитимностью всевластия государства, чем с “постсоциалистическим синдромом”.

Как же численно представлены носители соответствующих норм и ценностей в российском обществе? В чем заключаются характерные особенности этих групп? Какие факторы влияют на приверженность рядового россиянина тем или иным нормам и ценностям, а следовательно – как будет протекать процесс динамики нормативно-ценностных систем в обозримом будущем? На эти вопросы я постараюсь дать ответы во второй части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин В.А. Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М., 2009.

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М., 2005.

Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.

Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.

Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.

Латин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

- Латин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1.
- Латова Н.В., Латов Ю.В.* Особенности российской экономической ментальности // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Ч. 1. М., 2003.
- Латова Н.В., Латов Ю.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4.
- Латова Н.В., Тихонова Н.Е.* Модернизация и характеристики российской национальной ментальности // Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.
- Лебедева Н.М., Козлова М.А., Татарко А.Н.* Психологические исследования социокультурной модернизации. М., 2007.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
- Магун В., Руднев М.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010^а. № 3.
- Магун В., Руднев М.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // WP6 "Гуманитарные исследования". М., 2010^б.
- Регионы в России: социокультурные портреты в общероссийском контексте. М., 2009.
- Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008.
- Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. М., 2005.
- Социологический словарь. М., 2004.
- Тихонова Н.Е.* Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4.
- Тихонова Н.Е.* Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М., 2012.

© Н.Тихонова, 2012